

Валерий МЕЛАДЗЕ: ЗАЛ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОЛОН! ИНАЧЕ...

Неделя, 1997, № 7, с. 20-21,

7 и 8 марта «последний романтик» российской эстрады Валерий Меладзе пойдет на покорение Эвереста отечественного шоу-бизнеса — зала спорткомплекса «Олимпийский». В объявленный только у нас праздничным и женским день он сообщит милым дамам о том, что «...и на Земле опять весна».

Фото Олега КОРОЛЕВА

«Романтик» отчаянно рискует. Задумать два дня подряд выступать в зале, по вместимости превышающем дворец Кремлевский, может позволить себе только стопроцентно уверенный в себе исполнитель. Впрочем, в данном случае за Меладзе есть кому подумать. Например, его продюсеру Евгению Фридлянду, по словам которого предстоящие концерты будут сногшибательным зрелищем (АРС, в принципе, ни одной своей акции иначе и не оценивает). В зале выставят неслыханное доселе на концертах наших певцов количество звуковой аппаратуры и впечатляющие видеоэкраны. Пиротехнические и световые эффекты, видимо, достойны отдельной саги. Дополнительной подзвучки удостоятся даже верхние ярусы спорткомплекса. Вполне возможно, что 23 песни герою солистов помогут исполнить многие известные музыканты. С Хавтаном (руководитель «Браво») договориться, правда, не удалось — стоимость его услуг оказалась далеко не демпинговой. Зато джазовый мэтр, король российского саксофона Алексей Козлов, тщательно ознакомившись с аудиозаписями Валерия, кажется, согласился поработать в праздничные дни совместно.

Сам Меладзе в канун 8-го марта был нарасхват у журналистов. Ответить согласием всем Валера не мог. Он мотался на последние «преодолимпийские» гастроли и лечил уставшие связки гидрокортизоновыми инъекциями. Но дать интервью «Неделе» все-таки не отказался.

Мы встретились в останкинской гримерке программы «Угадай мелодию» куда исполнитель «Сэры» прибыл для прилюдного состязания в знании популярной музыки с Филиппом Киркоровым и Николаем Расторгуевым. Поэтому пролог нашего общения был следующим:

Пельш: — Ребята, подождите чуть-чуть, мне сейчас вливание на связки сделают.

Меладзе: — А что дают? Гидрокортизол?

Пельш: — Не знаю, но ощущение противное, подташнивает.

Меладзе: — Точно, гидрокортизол.

Пельш: — Валера, знаешь, какой нам вчера с Кортневым (лидер группы «Несчастный случай», — М. М.) звонок был в радиопрограмму, которую мы ведем? Какой-то поклонник твой звонил, спрашивал, сколько же у тебя, все-таки, женщин в клипе «Девушки из высшего общества»?

Меладзе: — Семьдесят две.

Пельш: — Ну, а он говорит посчитал, их семьдесят. Так я ему ответил: вы двух, что спиной стоят, учли? (Общий смех)

Киркоров (возмущенно): — Вы читали, что сегодня в газете про нас с Аллой написали?... (Далее состоялась оживленная кулуарная беседа присутствовавших звезд с названием конкретных имен, оценками их деятельности и личностных качеств, которую я, из этических соображений, опускаю).

Киркоров (успокаившись): — Валера, ты первый гримируешься?

Меладзе: — Нет, начинайте пока вы с Николаем, а мы с Михаилом немного поговорим.

— Валера, кому в голову пришла идея выступать именно в «Олимпийском»? После Преснякова-младшего на этот зал никто из наших исполнителей не посягал.

— Изначально мысль принадлежала не мне. Приятно, конечно, собрать там зрителей, но затея очень рискованная. Если публики придет мало... В общем, тогда я готов начать все сначала. Но это будет серьезный провал. Делаем все, чтобы такого не произошло. Причем не столько сейчас делаем, сколько делали все предыдущее время. Интерес к нашей музыке есть. Хотя, может быть, лучше было провести подобные концерты в прошлом году, когда вокруг моего имени было больше ажиотажа, или сейчас усилить рекламную кампанию новыми клипами. Однако этого не произошло, и остается просто надеяться на лучшее.

— То есть ты сомневался в успехе акции?

— Сомневаться я не имею права. Обязанности строго распределены между мной, продюсером и другими членами коллектива.

Если что-то не получится, будем разбираться, кто допустил ошибки. А пока — если Женя Фридлянд уверен в правильности своих действий, значит так тому и быть. Не могу ничего подсказывать ему в организационных вопросах, как он ничего не может подсказывать нам в творческом плане.

Вообще, к «Олимпийскому» мы пришли методом исключения. «Россия» не подошла, потому что стала конвейером, где артисты выступают каждый день. Концерты там превратились бы в одну из акций — не более. Кремлевский дворец — очень сложный зал. Там трудно создать необходимое настроение, и потом, там не разрешили бы некоторые пиротехнические эффекты.

— Ты знаешь, что в твой концерт приглашаются очень известные музыканты, тот же Козлов?

— Знаю, что витала идея пригласить разных музыкантов, даже зарубежных. Здесь важно понять, что действительно необходимо, а что уже излишество. Если конкретно о Козлове, то его я очень уважаю и восхищался им, еще слушая пластинки и бывая на концертах «Арсенала». Если он придет — будет прекрасно.

— Если зал все-таки окажется полупустым, ты сможешь достойно выступить?

— Смогу, но, повторяю, тогда все нужно будет начать сначала.

— Это как?

— Заново устраивать «промоушн». Такое не проходит бесследно. Если мы замахнулись на подобный зал, он должен быть полон, иначе...

— Сколько времени ты потратишь для попадания в рейтинг наших ведущих исполнителей?

— Смотря с какого момента считать.

— Вот я и хочу, чтобы ты сам определил, с какого.

— Наверное, профессиональная работа началась лет пять назад. Столько лет песням «Ночь накануне Рождества», «Не тревожь мне душу, скрипка». Момент их создания, возможно, был пиком вдохновения.

— **Работу в «Диалоге» ты из этого периода исключаешь?**

— Работа в «Диалоге», видимо, была временем накопления материала. Мы определяли, в каком стиле хотим играть. И поняли, что делали все-таки не свою музыку.

А до «Диалога» все было просто забавно и непрофессионально, на институтском уровне. Но мы набирались опыта. Хорошее время было. Правда, и сейчас я получаю от работы не меньше удовольствия. Я понял, что в жизни всегда есть паритет между положительными и отрицательными эмоциями. Поэтому не скажу, что сейчас, например, стал жить лучше, чем тогда.

— **Ну да?!**
— В материальном плане, может быть, лучше. Настолько, насколько какое-нибудь материальное положение отличается от совсем никакого.

— **А «никакое» это какое?**
— Сейчас трудно подобрать общие критерии. До 1991 года я получал деньги только как аспирант и инженер, работающий на кафедре.

— **И куда уходил скудный заработок?**
— В принципе, я покупал все необходимое, но глобальных перемен в жизни совершить не мог. Это я о николаевском периоде говорю.

— **И что тебе было необходимо?**
— Все для того, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась.

— **То есть семью ты мог прокормить?**
— Да. Но я не мог купить квартиру, мы ее снимали, машину. Правда, особо и не усердствовал. Не стояло задачи сто процентов времени посвящать добыванию денег.

— **А где сейчас живут твои родители?**
— По-прежнему в Грузии. Раньше в Батуми, теперь в Тбилиси.

— **С переездом ты им помог?**
— Они без меня обошлись. Родители очень неохотно принимают от меня что-нибудь. Им неудобно, когда дети помогают.

— **Как общаетесь?**
— Они иногда приезжают в Москву. А созваниваемся чуть ли не ежедневно.

— **Когда ты достиг первых успехов на сцене, каковы были их рецензии?**

— Я благодарен им уже потому, что они не слишком настаивали на том, чтобы я бросил пение. Ведь в какой-то момент все это смахивало на авантюру. Поменять научную карьеру на любительское, но как бы не слишком серьезное занятие эстрадой... Я столько лет учился не музыке, а совсем другому. Но, к счастью, у меня кое-что получилось на сцене.

— **А почему ты так долго учился не музыке?**

— Нравилось. Считал, что мне это нужно.

— **И кем ты себя видел?**
— Ученым.

— **В таких вот очках, как теперь?**

— Не совсем, может, в таких, но в очках (смеется).

— **И чем ты должен был заниматься?**
— Глубокой очисткой воды. Это тема моей кандидатской, а вообще преподавал бы сейчас, наверное, в институте.

— **А когда ты решил, что пора перебраться в Москву?**

— Все происходило постепенно. Здесь мне было сначала где перекачаться. У меня в Москве много родственников.

— **Но никто из покровителей шоу-бизнеса тебя здесь не ждал?**

— Могу рассказать. Я достал деньги и приехал сюда. К этому моменту уже были песни, записи, я морально подготовился. Обратной дороги у меня не было. Мы с братом достали средства, за которые позже рассчитались, даже с процентами.

— **У кого достали-то?**
— У товарищей.

— **Товарищи давали деньги под проценты?**
— Нет, но они бизнесмены и хотели что-то с этого получить.

— **То есть тебе поставили какие-то условия?**
— Естественно.

— **Деньги были крупные?**
— Достаточно крупные для того, чтобы сделать шаг, после которого меня заметили.

— **А если бы не заметили, как бы ты вернул деньги?**
— А я не планировал их возвращать (смеется).

— **Не понял. Ты бы «лег на дно»?**

— Мы договорились так: они дают деньги, но если что-то не получится, значит, они плохие бизнесмены. Хотя у меня была уверенность, что все будет хорошо. Оставался один шаг — вложение финансов. Остальное тысячу раз обговорили с различными профессионалами.

Изначально эти люди не рассчитывали на дивиденды. Они просто хотели помочь. Эти деньги были у них тогда свободны. Но ситуация изменилась, что нередко случается. Когда спонсоры видят, что человек начинает зарабатывать самостоятельно, им хочется, чтобы их действия компенсировались. Они сразу придуют значимость каждому своему шагу и желают, чтобы каждый этот шаг был оплачен. Со всем этим я столкнулся и, думаю, расплатился с кредиторами сполна.

— **Ты какой-то хитрый: провалятся концерты в «Олимпийском» — продюсер виноват, не раскрутился — спонсоры — плохие бизнесмены.**

— Они сами так сказали.

— **Допустим. Очень удобная позиция. А Меладзе плохим бывает?**

— У меня удобная позиция, потому что я никогда никого не подставляю. Если я брал деньги у этих людей, то лишь оттого, что был уверен — эти деньги принесут другие деньги.

— **Откуда ты все знал? Приехал провинциал из Николаева, даже без музыкального образования, но с уверенностью, что его творчество принесет хорошую прибыль. Ты что, четко знал, кому в Москве эти деньги нести?**

— Естественно, была предварительная договоренность с Фридляндом. Когда мы сообщили, что раздобыли средства, он оставил «Браво» и занялся нашим проектом. С ним мы были знакомы еще по «Диалогу».

— **Выходит, ты виновник его ухода от «Брво»?**

— Нисколько. Они просто закончили свое сотрудничество.

— **А каковы твои отношения с этой группой?**

— Прекрасные. Очень уважаю этих музыкантов, хотя мы не такие близкие друзья. Раньше общались значительно чаще, особенно первые года полтора после моего появления в Москве.

— **За шесть лет в нашей шоу-тусовке у тебя были серьезные конфликты с коллегами?**

— Практически нет. Конфликты случаются у тех, кто имеет для них причины. А я по собственной инициативе никогда на рожон не лезу. Если меня не трогают, я никогда не начну конфликтовать.

— **Что нужно, чтобы ты констатировал факт: тебя тронули?**

— Должно появиться ощущение внутреннего дискомфорта, когда я почувствую, что больше невыносимо.

— **Судя по всему, в юности ты походил на «ботаника»: бесконфликтный парень, мечтающий о карьере ученого...**

— Почему на ботаника?! Слушай, меня вообще раздражает такая манера разговора! Понимаю, это, вероятно, прием. Ты начинаешь вводить собеседника в экстремальную ситуацию, он заводится и говорит больше правды... Я был не ботаником, а гидромехаником. От ботаники я всегда был довольно далек. Откровенно говоря, и будучи ученым, я оставался современным парнем.

— **Короче, прилежный студент, примерный комсомолец — это не про тебя?**

— Нет, чего не было — того не было. В школе я учился плохо и с учителями конфликты случались. А в институт поступил уже осознанно, потому что сразу после школы пошел работать и вскоре понял: производство — не то место, где мне комфортно.

— **А романтические приключения, запойные периоды, все, присущее артистическим натурам, с тобой случалось?**

— Запоев не было, а романтических приключений, конечно же, произошло немало. Они были действительно романтическими, а не пошлыми. Я влюблялся по-настоящему.

— **Пока не встретил свою теперешнюю жену.**

— Да. Я женат единственный раз и, тьфу-тьфу, надеюсь, навсегда.

— **Давай опять о материальном. Насколько все-таки уровень твоей жизни изменился?**

— Думаю, настолько, насколько я заслужил эти изменения. Даром мне ничего не далось. Однажды вот легко получил машину за съемку в рекламе — так она была разбита на следующий день, и ремонт обошелся дороже, чем если бы я ее купил. Это послужило еще одним доказательством того, что ничего в моей жизни «просто так» не бывает. И любые случайные, роскошные подарки мне просто не нужны.

— **Ну, а общие желания наших богатых людей у тебя появились? Скажем, тебе нужен большой загородный дом?**

— Он нужен мне не потому, что это модно, а потому что так мне комфортно. Сейчас, например, модно покупать себе виллы или квартиры где-нибудь в Америке или на океанском побережье. Наверное, это неплохо, но я этого делать не собираюсь, поскольку не вижу в том необходимости. В Америку я могу поехать максимум раз в год, а отдохнуть на

даче за городом приятно в любое время. Когда есть возможность, очень люблю выбираться с семьей к кому-нибудь из друзей, живущих под Москвой. Там можно отключить все средства связи и просто подышать воздухом. Возвращаешься отдохнувшим и вдохновленным. Так что дом я когда-нибудь построю. И, конечно, как большинство людей, я не лишен честолюбия и хочу, чтобы мой дом был не хуже, чем у других, чем...

— **У Кобзона?**

— Нет! (Смеется). До него мне далеко. Но в доме должно быть уютно и удобно. Чтобы не приходилось носить воду зимой из колодца, метров за 50—100.

— **Почему ты так мало раскручиваешь своего брата Константина, ведь он играет ключевую роль в создании твоего репертуара?**

— Я стараюсь говорить о нем как можно больше, но сам он очень скромный. Константин не любит сниматься, показываться, давать интервью. Отношения у нас прекрасные. Были периоды, когда не было средств, и он отдавал мне то, что получал за аранжировки, заказную музыку, поскольку я уже имел семью.

— **Ты сказал, что в случае провала способен начать все сначала. Значит, ты можешь снова вернуться и к тому материальному положению, в 1991 год?**

— Не знаю. Во всяком случае, я научился многим вещам и думаю, что способен пережить любую неудачу, не спиваясь, не садясь на наркотики. Я и раньше никогда не падал духом и вряд ли уже когда-нибудь упаду.

— **Но ты представляешь, какую музыку нужно играть, если все начинать снова?**

— Наверное, стану делать то же самое.

— **Некоторые критики все активнее упрекают тебя в однообразии.**

— Главное, чтобы так не считали зрители. А с подобной критикой я сталкивался с первых своих шагов на сцене. Если кто-то знает, как делать лучше — пусть делает!

На самом деле, сейчас мы очень много экспериментируем. Второй альбом сильно отличался от первого. Мы даже сомневались, примет ли его публика. И после выхода «Последнего романтика» сделали много выводов. Вот если третий наш альбом заинтересует слушателей меньше — значит, критики правы. Пока же мы, кажется, на верном пути.

— **И все-таки: если интерес к твоему творчеству будет падать, ты продолжишь писать музыку в том же стиле или примешься спешно разыскивать новую коммерческую жилу?**

— Нет, жилу я искать не буду. В самом крайнем случае я готов все бросить и заняться чем-то иным.

— **А именно?**

— Секрет! (Смеется). Возможно, через полгода это станет известно, но пока все в начальной стадии. Что об этом говорить...

— **Я так понял, речь идет о каком-то бизнесе?**

— Да, конечно.

Михаил МАРГОЛИС